Алтайский государственный университет
(Россия, Барнаул)

Иркутский государственный технический
университет (Россия, Иркутск)

Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН (Россия, Омск)

Омский научный центр СО РАН (Россия, Омск)

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Нанкинский университет
(Китайская Народная Республика, Нанкин)

Павлодарский государственный университет
(Казахстан, Павлодар)

Ховдский государственный университет
(Монголия, Ховд)

Altai State University
(Russia, Barnaul)

Irkutsk State Technical University
(Russia, Irkutsk)

Omsk Division of Institute of Archaeology
and Ethnography of the SB RAS (Russia, Omsk)

Omsk Research Center of the SB RAS (Russia, Omsk)

Omsk F. M. Dostoevsky State University
(Russia, Omsk)

Nanjing University
(People's Republic of China, Nanjing)

Pavlodar State University
(Republic of Kazakhstan, Pavlodar)

Khovd University
(Mongolia, Khovd)

Интеграция археологических и этнографических исследований

Сборник научных трудов

Integration of archaeologic and ethnographic research

Collection of Proceedings

Барнаул, Омск
Издательский дом «Наука»

Barnaul, Omsk
Publishing house "Nauka"

2015

УДК 930.26+39
ББК 63.40+63.50
И73

И73 **Интеграция археологических и этнографических исследований** : сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов ; отв. ред. : М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Серегин. – Барнаул ; Омск : Изд. дом «Наука», 2015. – 362 с.

ISBN 978-5-98806-211-0

Сборник научных трудов подготовлен на основе материалов исследователей – участников XXI Международного научного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований», проведенного в Барнауле 6–8 октября 2015 г. Симпозиум посвящен 130-летию со дня рождения С. И. Руденко и 200-летию со дня рождения А. Ф. Миддендорфа.

В сборнике представлены работы ученых: археологов, этнологов, антропологов, экологов и других специалистов из Азии, Европы, посвященные изучению проблем интеграции археологических и этнографических исследований по следующему кругу проблем: историографические аспекты взаимодействия археологических и этнографических исследований (личности, авторские подходы, опыт и проблемы интеграции); этноархеологические исследования (источники, методика и теория); проблемы исследования кулайской историко-культурной общности Западной Сибири; научные результаты практических работ в области интеграции археологии, этнографии, других гуманитарных и естественных наук.

Сборник рассчитан на специалистов в области археологии, этнологии, этноархеологии, истории, культурологии и других наук.

This collection of proceedings were assembled from the original scientific research of participants of the 21th International symposium "Integration of Archaeologic and Ethnographic Research", which took place in Barnaul on October 06–08, 2015. The symposium dedicated to the 130th anniversary of the birth of S. I. Roudenko and 200th anniversary of the birth of A. F. Middendorf.

The proceedings collects the work of archaeologists, ethnologists, anthropologists, ecologists and other experts from Asia, Europe, devoted to studying the problem of how to integrate archaeologic and ethnographic research. The following themes are addressed: Historiographic aspects of interaction of archaeologic and ethnographic research (personalities, original approaches, experience and problems of integration); Ethnoarchaeologic research (sources, methodology and theory); Problems of researching Koulay historical-cultural entity in Western Siberia; Practical research results in the sphere of integration of archaeology, ethnography and other humanities and natural sciences.

The proceedings will be of interest to experts in the field of archaeology, ethnology, ethnoarchaeology, history, cultural science and other sciences.

УДК 930.26+39
ББК 63.40+63.50

Рецензенты:
д-р ист. наук Ю. Ф. Кирюшин, Барнаул;
канд. ист. наук Б. А. Коников, Омск

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук М. А. Корусенко (отв. ред.), академик, д-р ист. наук А. П. Деревянко, канд. ист. наук К. Н. Тихомиров (отв. ред.), канд. ист. наук М. Н. Тихомирова (отв. ред., уч. сек.), канд. ист. наук Н. Н. Серегин (отв. ред., уч. сек.), д-р ист. наук Н. А. Томилов (гл. ред.), д-р ист. наук А. А. Тишкин (отв. ред.)

Симпозиум проведен в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках»

© Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, 2015
© Алтайский государственный университет, 2015
© Оформление. ООО «Издательский дом "Наука"», 2015

ISBN 978-5-98806-211-0

Серебренников Б. А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Препринт. – Уфа : ИИЯЛ БФАН СССР, 1963. – 36 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа, 1988. – С. 102–111.

Шакуров Р. З. По следам географических названий. – Уфа : Башкнигоиздат, 1986. – 184 с.

Шакуров Р. З. Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья : дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 1998. – 81 с.

Юсупов Р. М. К семантике родовой символики башкир и этимологии этнонимов башкорт, иштяк // Городские башкиры. – Уфа, 2010. – С. 28–32.

Янгузин Р. З. Происхождение // Янгузин Р. З., Хисамитдинова Ф. Г. Коренные народы России: башкиры. – Уфа : Китап, 2007. – С. 5–81.

Danlop D. M. The History of the Jewish Khazars. – New York : Princeton University Press, 1954. – 293 p.

Nemeth G. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren // Acta Orientalia Hungarica. – Budapest, 1966. – XVI (1–2).

С. С. Гаврилов

Россия, Благовещенск, Амурский государственный университет

КОМПЛЕКСНЫЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В КОНЦЕПЦИИ С. М. ШИРОКОГОРОВА*

The publication is devoted to a transition problem from collecting ethnographic material to its complex method of studying in the concept of the outstanding Russian scientist S. M. Shirokogorov. The scientist insisted on need of mastering the ethnographer collector science which would be a theoretical basis of his activity – ethnology.

Сергей Михайлович Широкогоров – выдающийся русский антрополог, этнограф, лингвист и педагог первой половины XX в., чье имя и научное наследие широко известны в мировой науке. Сергей Михайлович в своих монографиях указывал на необходимость перехода от сбора этнографического материала к его комплексному, с использованием данных этнографии, археологии и антропологии, методу изучения.

К такому выводу выдающийся ученый пришел еще в начале своей научной деятельности. Нет сомнения в том, что в самый начальный период у С. М. Широкогорова преобладали археологические интересы. В МАЭ он регистрировал археологические коллекции, с геологами ездил в археологические экспедиции, стремился совершенствовать свои знания в этой области путем учебы в Археологическом институте. Однако совет В. В. Радлова изучать живую этнографию, снаряжение экспедиций для полевой работы у тунгусо-маньчжурских народностей России и Китая, формирование солидного этнографического материала, особенно по шаманизму, годы нелегких экспедиций, накопление колоссального оригинального полевого материала повлияли на поворот Широкогорова к антропологии. А решение о назначении Сергея Михайловича на должность антрополога поставило окончательную точку в выборе ученого между антропологией и археологией. В то же время говорить о том, что это был выбор, не совсем правильно. Занятия С. М. Широкогорова в петербургский период археологией, антропологией и этнографией не были последовательной сменой увлечений его разными науками. Образование, полученное Широкогоровым в разных гуманитарных высших учебных заведениях Парижа, где давно утвердилась концепция триады этих наук, а также идеи комплексного, с использованием данных этнографии, археологии и антропологии, метода изучения народов, кото-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

© Гаврилов С. С., 2015

рой придерживались в Московском университете Д. Н. Анучин, а в Петербургском – Э. Ю. Петри, Ф. К. Волков, С. И. Руденко, естественно, не ставили перед Сергеем Михайловичем вопроса о восприятии данных наук по отдельности. На практике он постепенно, но неуклонно шел к овладению этим триединством. Более того, он склонен был добавить сюда еще лингвистику, фольклористику, философию, биологию.

Комплексный подход лежит в основе всей теории С. М. Широкогорова. Слово «комплекс», по мнению ученого, является адекватным выражением целостности и сложности изучаемых систем. Так, исходя из данного определения, понятие «социальная организация» – «…это комплекс этнографических элементов, регулирующих функционирование общества как постоянного конгломерата людей, образующих, в свою очередь, комплекс с определенным внутренним равновесием, которое дает возможность этнической единице воспроизводить себя, сохранять экономическую систему, материальную культуру, умственную и психическую деятельность, т. е. обеспечивать непрерывность существования этнической единицы в ее целостности» [*Shirokogoroff*, 1929: 5]. Через понятие «комплекс» Сергеем Михайловичем определяются и этнос, и психологическая сфера, и шаманизм.

Целостность, системность комплексного подхода С. М. Широкогоров считал одним из главных принципов научного исследования. По этому поводу в своем фундаментальном труде “Psychomental complex of the Tungus” ученый пишет: «Материальная культура, социальная организация и психоментальный комплекс образуют сбалансированную систему, каждый элемент который тесно прилажен к другому и взятые все вместе взаимодействуют между собой» [*Shirokogoroff*, 1935: 1].

Подчеркивая сложный характер этносоциальной, духовной и материальной культуры, образующей некую систему, С. М. Широкогоров отмечает, что и отдельные составляющие этой системы тоже носят системный характер, и изменение одного элемента в них приводит к изменению всей системы.

Идея комплексного метода изучения этнографического материала затрагивала давно волновавшую С. М. Широкогорова проблему соотношения наук, занимающихся исследованием человека и этноса в разных аспектах, т. е. антропологии, этнографии, этнологии и истории. Обращаясь к этой проблеме на различных этапах своей жизни, в результате ученый окончательно оформил свои взгляды во введении к книге “Psychomental complex of the Tungus” [*Shirokogoroff*, 1935: I–X].

Сергей Михайлович, не принижая значения собирания материалов и отмечая блестящее прошлое антропологии и этнографии, выступал против «мании собирательства» и настаивал на необходимости овладения этнографом-собирателем наукой, которая была бы теоретической основой его деятельности. Такую науку ученый называл этнологией. Этнология, по мнению ученого, как раз та наука, в основе которой должен лежать комплексный метод. Этнография у Широкогорова, вооружившись современными теоретическими знаниями, описывает и анализирует «живые» комплексы в их историческом и функциональном аспектах. Поэтому она близка к историческим дисциплинам, а также наукам, занимающимся изучением культуры. Задача этнографии, как считает ученый, в изучении культурной адаптации этносов. Этнограф, вскрывая внутренние механизмы действия того или иного комплекса культур, должен понять причины функционирования этих механизмов, которые иногда находятся вне сферы культуры, т. е. заключены в человеческой природе, географической среде, историческом развитии. Установить же связь между физическими условиями существования человека и культурной адаптацией, происходящей в этнической среде, под силу, по мнению Широкогорова, только этнологии. Поэтому этнологию Сергей Михайлович определяет как науку, изучающую общие процессы изменений, происходящих с этносом, и помещает ее в самом центре предложенной им схемы классификации наук [*Shirokogoroff*, 1935: I–X].

Первоначальное отнесение физической антропологии С. М. Широкогоровым к ответвлению зоологии в результате его практической деятельности и корректив изменяется на отнесение ее к этнологии. В работах по антропологии ученый показал, что физические, физиологические, умственные, психические и биологические процессы протекают в этносе очень медленно, быстрые же изменения могут нарушить этническое равновесие [*Shirokogoroff*, 1925: 21].

Непременным условием этнографического исследования Широкогоров считал знание языка изучаемого народа. Будучи знатоком различных диалектов эвенкийского (тунгусского) языка и имея склонность и вкус к теоретической лингвистике, Сергей Михайлович написал несколько статей сугубо лингвистического характера, стал составителем тунгусско-русского и русско-тунгусского словарей, изданных в Японии уже после смерти ученого [*Shirokogoroff*, 1944].

Определяя этнологию как комплексную дисциплину, С. М. Широкогоров и лингвистические проблемы не отделял от этнографических. Именно поэтому он включился в возникшую еще

в 1920-е гг. дискуссию по алтайской теории языков или теории родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и, возможно, корейского языков. Для подтверждения своих взглядов широко привлекались материалы различных тунгусских языков. На этой теории основана гипотеза о генеалогической связи народов, говорящих на этих языках [*Ревуненкова*, 2003: 100–119].

С. М. Широкогоров в статье о терминах ориентации у северных тунгусов, в книге о социальной организации тунгусов и в специальной книге, посвященной урало-алтайской гипотезе показал неубедительность ссылки на тунгусские языки с точки зрения реально существующего живого эвенкийского материала [*Shirokogoroff*, 1928: 167–187; 1929: 359–361; 1931: 89–198]. Ученый отмечал случайность свидетельствующих в пользу урало-алтайской гипотезы примеров, приводимых исследователями, а также и то, что эти примеры не отражают действительного распределения лексем и значений как в диалектах эвенкийского языка, так и в других тунгусо-маньчжурских языках и диалектах. Он показал и сложность в различении исконно тунгусского слова от древних монгольских заимствований. Различия между тунгусскими и другими языками выделяемой алтайской семьи настолько велики, что, с точки зрения Широкогорова, целесообразнее говорить о существовании отдельной независимой тунгусской языковой семьи, которая подверглась сильному влиянию монгольских языков. Свой окончательный вывод Широкогоров формулирует так: пока не реконструированы пратунгусский, прамонгольский и пратюркский языки, вряд ли возможно выделять общий алтайский праязык. Историко-аналитический подход к развитию тунгусского языка и этноса Широкогорова воспринимается вполне современным и по сей день [*Ревуненкова*, 2003: 100–119].

Нецелесообразными с точки зрения комплексного подхода С. М. Широкогоров считал начинания, организованные советской властью в 1930-е гг., по созданию письменности и литературного языка у тунгусов [*Shirokogoroff*, 1991: 35–66; *Широкогоров*, 1995: 132–159]. Неодобрение ученого было связано с тем, что начинание не исходило из внутренних культурных потребностей самих тунгусов. Будучи знатоком эвенкийского (тунгусского) языка, он не мог не видеть, что созданный литературный язык тунгусов оказался искусственным, упрощенным, детским, а значит, не имеющим ни научной ценности, ни будущего. Современные исследователи в целом соглашаются с таким видением Широкогорова. Так называемый литературный язык эвенков (тунгусов) действительно оказался нежизнеспособен [*Бурыкин*, 2001: 12–17].

В своем большом труде под названием «Этнология» С. М. Широкогоров представил в законченном виде собственную методологию этнографии как комплексной науки, существующей независимо от смежных с нею наук, таких как история, социология, биология, география и т. д. В этом труде, который он практически завершил, но не успел довести до публикации, автор уделил особое внимание и проблеме межэтнического давления, которую он разрабатывал еще во времена своих первых полевых исследований. Обращение к этим идеям С. М. Широкогорова весьма целесообразно и актуально и в современных условиях, при изучении природы современных этнических конфликтов [*Ревуненкова*, 2003: 100–119].

Таким образом, комплексный метод изучения этнографического материала в концепции С. М. Широкогорова представляет собой целостный, системный, с использованием данных этнографии, археологии, антропологии, лингвистики, фольклористики, философии и биологии, метод изучения народов. Данным методом, по мнению ученого, должна обладать этнология, которую он помещает в самом центре предложенной им схемы классификации наук.

Бурыкин А. А. Лингвистические взгляды С. М. Широкогорова и общие проблемы литературных языков малочисленных народов севера России в 30–90-е годы XX века // Широкогоровские чтения. – Владивосток, 2001. – С. 12–17.

Ревуненкова Е. В. Сергей Михайлович Широкогоров / Е. В. Ревуненкова, А. М. Решетов // ЭО. – 2003. – № 3. – С. 100–119.

Широкогоров С. М. Тунгусский литературный язык // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1995. – № 1. – С. 132–159.

Shirokogoroff S. M. Process of Physical Growth among the Chinese. Vol. I. The Chinese of Chekiang and Kiangsu: measured by Dr. V. Appleton. – Shanghai : The Commercial Press. 1925. – 137 p.

Shirokogoroff S. M. Northern Tungus Terms of Orientation // Rocznik Orientalist yczny. – Lwow, 1928. – Vol. IV. – P. 167–187.

Shirokogoroff S. M. Social organization of the Northern Tungus (with introductory chapters concerning geographical distribution and history of this group). – Shanghai : The Commercial Press, 1929. – 427 p.

Shirokogoroff S. M. Ethnological and linguistical aspects of the Uralo-Altaic hypothesis. – Peiping : The Commercial Press, 1931. – 198 p.

Shirokogoroff S. M. Psychomental complex of the Tungus. – London : Kegan Paul, Trench, Trubner& Co, 1935. – 469 p.

Shirokogoroff S. M. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogravured from manuscript. – Tokyo : The Minzokugaku Kyokai (The Ethnological Society of Japan), 1944. – 258 p.

Shirokogoroff S. M. Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies. – Nagoya, 1991. – Vol. L. – P. 35–66.

Г. Н. Гарустович

Россия, Уфа, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С. И. РУДЕНКО В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

This article is concerned with analyses of S. I. Rudenko's archeological works dealing with the Uralo-Povolzhye region in the first half of the 20th century, the period when he started his research activity. His field research was stopped by Stalinist purges. S. I. Rudenko's articles and monographs are of great value for the modern local historical science.

Сергей Иванович Руденко (16(28).01.1885, Харьков – 16.07.1969, Ленинград) широко известен на Южном Урале как выдающийся историк и автор фундаментальных монографий по этнографии башкирского народа [*Руденко*, 1916; 1925; 1955]. Археологические работы исследователя в регионе пока еще мало известны, на них мы и хотим обратить внимание.

В 1915 г. в Оренбурге побывал М. И. Ростовцев, где в то время проживали его родители. Ученого заинтересовали материалы раскопок Прохоровских курганов, собранные сотрудниками Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). Российским историком были изучены коллекции из Оренбургского музея, а впоследствии с помощью приват-доцента Петербургского университета С. И. Руденко им организуется экспедиционный выезд в район д. Прохоровки (Шарлыкский район Оренбургской области). Там исследовались курганы раннего железного века, изучение которых привело к выделению прохоровской археологической культуры (IV–II вв. до н. э.). С этого времени степные уральские древности становятся самостоятельной познавательной темой в российской исторической науке.

Важным итогом данных исследований стало издание М. И. Ростовцевым книги «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» [*Ростовцев*, 1918; см. также: *Труды*..., 1913: 59–60]. Один из разделов данной монографии был написан С. И. Руденко. Академик Ростовцев в предисловии к своей книге благодарят за содействие А. А. Спицына, А. В. Попова (председателя ОУАК), С. И. Руденко, В. Я. Толмачева (одного из первых профессиональных уральских археологов) и др. [*Ростовцев*, 1918: I–II].

В начале века, помимо расширения этнографических и археологических исследований, в регионе возрастает интерес к антропологии башкир. Еще в конце XIX в. начинаются раскопки заброшенных башкирских кладбищ (Ф. Д. Нефедов, Н. М. Малиев, Д. П. Никольский и др.) с целью получения краниологических коллекций [*Абрамов*, 1907; *Никольский*, 1899]. Конечно, дореволюционные исследователи (большей частью – местные врачи) не смогли решить сложные вопросы этногенеза башкир, но они хотя бы начали движение в сторону решения этих проблем. Вершиной изучения этнографических и антропологических реалий башкирского народа в начале XX в. следует считать монографию С. И. Руденко «Башкиры», изданную еще до революции, но не утратившую своего научного значения до наших дней [*Руденко*, 1916].

Таким образом, уже в дореволюционный период исследователь получает известность в стране не только как этнолог-аналитик, но и как профессиональный археолог. На примере научной деятель-

© Гарустович Г. Н., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЛИЧНОСТИ, АВТОРСКИЕ ПОДХОДЫ, ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

HISTORIOGRAPHIC ASPECTS OF INTERACTION OF ARCHAEOLOGIC AND ETHNOGRAPHICAL RESEARCH: PERSONALITIES, ORIGINAL APPROACHES, EXPERIENCE AND PROBLEMS OF INTEGRATION

Бубнель Е. В., Гарустович Г. Н., Проценко А. С. Современное состояние изучения угорской проблематики на Южном Урале. Междисциплинарные аспекты научной темы 3

Гаврилов С. С. Комплексный метод изучения этнографического материала в концепции С. М. Широкогорова 6

Гарустович Г. Н. Полевые исследования С. И. Руденко в Волго-Уральском регионе 9

Глушкова Т. Н., Мухьярова А. Р. Роль С. И. Руденко в изучении текстиля и костюма раннего железного века на территории Алтая и Монголии 12

Дашковский П. К. Историко-этнографическое изучение мировоззрения тюркоязычных народов Центральной Азии в творчестве С. Г. Кляшторного 15

Демин М. А. Использование данных археологии, этнографии и топонимики в трудах А. П. Уманского по истории телеутов 18

Жук А. В. Александр Федорович Миддендорф как исследователь «первобытного состояния народов» (к 200-летию со дня рождения) 21

Киреев С. М. Новые сведения о пребывании С. И. Руденко в Горном Алтае в 1924 году 25

Кузнецов Н. А. О попытках применения этнонима «Бома» к носителям верхнеобской культуры 27

Макаров Л. Д. Соотношение письменных и археологических источников в реконструкции процессов русской колонизации бассейна Средней Вятки 30

Марсадолов Л. С. Научное влияние работ С. И. Руденко на современное изучение хронологии памятников пазырыкской культуры Алтая 34

Овчинников А. В. Этноархеология в бриколаже национальной истории (по материалам работ И. Л. Измайлова) 38

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В. Лисица в «текстах» культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы 42

Татауров С. Ф. Археологические мифы о распространении ислама в Западной Сибири 45

Тихонов С. С., Корусенко М. А., Томилов Н. А. XX Международный симпозиум по этноархеологии (Россия, Иркутск, май 2013 года) 49

Тишкин А. А. Личное дело студента С. И. Руденко в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга 51

Тишкин А. А., Тишкина Т. В., Семкина Т. П. Археологическая коллекция в Шелаболихинском музее Алтайского края 54

Федотова И. В. История формирования археологического фонда в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета в 1974–1984 годах: краткий очерк 59